

рая крайности. Так же благотворно дѣйствовала она и на болѣе широкіе круги, какъ личнымъ обещаніемъ, лекціями и докладами, такъ и своими педагогическими трудами, популярными биографическими и культурно-историческими работами, окрашенными этической тенденціей.

Чисто художественный талантъ Ж. Подлипской былъ невеликъ, но симпатиченъ, какъ и она сама. Городская жительница до мозга костей, никогда не покидавшая Праги, кромѣ короткихъ побѣздокъ на дачу, она не отдала дань модному въ то время направленію и не писала ни деревенскихъ повѣстей, ни романовъ. Ея излюбленными сюжетами были или перипетія женскаго волнующагося сердца или ростъ пробужденнаго къ новой жизни чешскаго, преимущественно пражскаго, мѣщанства. Въ нѣсляхъ педагогическихъ обра-

лась она довольно часто къ темамъ историческимъ, но для большихъ полотенъ со сложной конструкціей у нея не хватало таланта. Наиболее удачными изъ ея произведеній считаются ея романы съ социальнымъ оттенкомъ — «Судьба и дарованіе», «Родственники», «Анна» и «Берегъ»; къ этому перечню необходимо прибавить автобиографическое произведеніе «Пегринусъ».

Ж. Подлипской мы и закончимъ первую, самую старшую группу чешскихъ писательницъ. Какъ видно, она не была многочисленна, но всѣ ея участницы были пионерами, работавшими на дѣвственной почвѣ. Однако по дарованію онѣ не уступали своимъ современникамъ-мужчинамъ, а двѣ изъ нихъ занимаютъ поднесъ первенствующее мѣсто въ чешской литературѣ 19-го столѣтія.

Н. Мельникова-Папоушкова.

У корней

1. Слесарь Дрекслеръ.

Сейчасъ очень трудно предсказать дальнѣйшіе пути нѣмецкой молодежи, заполнившей національ-соціалистическую партію. Въ космической туманности зарожденія новаго міра или распада стараго, въ сумеречномъ свѣтѣ заката или восхода — распознавать всѣ дороги и предвидѣть будущее только тотъ, кого ведетъ собственное желаніе. Несомнѣнно лишь одно: нынѣшняя форма движенія не будетъ его послѣднимъ словомъ. Побѣдители и побѣжденные въ своихъ попыткахъ освѣтить германскія событія удѣляютъ

слишкомъ много вниманія тактикъ и политикъ вождей. Не меньшій интересъ представляетъ психологія низовъ — рядовыхъ членовъ партіи, мелкихъ капель, бурно слившихся въ мощную волну, поднимающую вождей къ неограниченной власти надъ большой и культурной страной...

Антонъ Дрекслеръ, слесарь желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, имѣетъ всѣ основанія утверждать, что онъ былъ у корней движенія, вызывающаго теперь вниманіе и тревогу всего міра. 5-го января 1919-го года Дрекслеръ основалъ нѣмецкую рабочую партію. Собственно даже не партію, а «по-

стоянный столъ» въ пивной. Всѣхъ посетителей было сорокъ. Подъ № 1 значился Дрекслеръ, подъ № 7 — привлеченный имъ Гитлеръ. Въ часъ побѣды о Дрекслерѣ забыли: вожди Германіи не считаютъ его героемъ движенія. Они совершенно правы. Дрекслеръ дѣйствительно не герой. И этимъ онъ интересенъ. Отъ милліоновъ, создавшихъ впоследствии могущество партіи, онъ отличается лишь тѣмъ, что съ неутомимостью графомана записывалъ и предавалъ гласности свои мысли. Въ статьяхъ и рѣчахъ Дрекслеръ мало считался съ собственной партійной программой. Онъ клялся, что говорить «отъ всей души» — ему вѣрили и враги — и поставлялъ обильный матеріалъ для юмористическихъ отдѣловъ социаль-демократическихъ газетъ 1919-1922 гг. Черезъ десять лѣтъ все это оказалось значительно серьезнѣе. Выяснилось, что такъ-же «соціалистически ненаучно», «скоряво» и «физиологически» мыслили, или вѣрнѣе чувствовали, милліоны молодыхъ рабочихъ.

До войны Дрекслеръ не подавалъ со своимъ профессиональнымъ союзомъ. Онъ предъявилъ къ союзу страннныя обвиненія: союзъ слишкомъ автоматиченъ, «лишенъ тепла» и не можетъ понять многихъ потребностей рабочихъ. Въ тѣ идеалистическіе дни незамутненнаго «классоваго сознанія» неукичивавый слесарь со своими необычными требованіями прослылъ ненормальнымъ. Старыя статьи и рѣчи Дрекслера убѣждаютъ еще въ томъ, что въ политикѣ, какъ и въ природѣ, ничто не пропадаетъ. Вдохновеніе для многолѣтней упрямой борьбы Дрекслеръ черпалъ изъ рѣчей социаль-демокра-

тическихъ депутатовъ, въ августѣ 1914 года голосовавшихъ за военные кредиты. Стенограммы «великаго дня въ рейхстагѣ» онъ зналъ наизусть. Съ особой любовью повторяетъ Дрекслеръ рѣчь Шейдемана: «мы будемъ биться не за коммерціи совѣтниковъ, не за промышленниковъ или богатыхъ крестьянъ. Война ведется за немущихъ рабочихъ на заводахъ, у верстака и на вспаханной нивѣ». Слова эти давно забыли или старались не вспоминать тѣ, кто ихъ произносили и тѣ, кто ихъ слушали. Но въ грозные годы войны для сотенъ тысячъ людей они были единственнымъ оправданіемъ права отнимать жизнь у другихъ и въ мукахъ отдавать свою. Овѣянная дыханіемъ смерти они запали слишкомъ глубоко и впоследствии, при благоприятной политической температурѣ, дали неожиданный и буйный ростъ.

Соціальная концепція Дрекслера проста до убожества и можетъ быть сформулирована въ нѣсколькихъ словахъ. Миръ полонъ богатства и безграничныхъ возможностей, пропадающихъ совершенно зря. Его можно превратить въ цвѣтущій садъ, населенный довольными людьми. Мѣшаетъ уродливый социальный строй и неспособность многихъ народовъ упорядочить свою жизнь. Нѣмецкіе социалисты превосходные организаторы и не плохіе воины. Они призваны наладить разумную жизнь, «крестить мечомъ» и теперь же справедливо подѣлить земное обиліе. Никакая схоластика не можетъ оправдать дальнѣйшей бездѣятельности.

Возможно, что въ варварскіи аморфномъ видѣ подобныя мысли бродили въ головахъ кимировъ и

тевтоновъ, пробивавшихся изъ сырхъ и скудныхъ германскихъ лѣсовъ въ солнечныя долины Италіи. Но развѣ въ послѣвоенныхъ сумеркахъ, въ книгѣ Шпенглера («Соціализмъ и пруссизмъ») за кружевомъ сужденій объ ощущеніи божественнаго порядка, о прусскомъ гениіи соціального устройства и безоговорочнаго повиновенія не сквозятъ грубыя схемы наивнаго Дрекслера? Шпенглеръ врядъ-ли интересовался сѣрыми листовками мюнхенскаго слесаря, а Дрекслеръ ровно ничего не понималъ бы въ книгѣ Шпенглера, какъ не понималъ онъ скептической сентенціи Вальтера Ратенау. Ибо если любовь Дрекслера вдохновлялась словами Шейдемана, то его неутолимая ненависть пыталась опредѣленіемъ революціи, вычитаннымъ у Ратенау. «Міровая революція началась въ день возникновенія войны. Ея скрытой практической цѣлью будетъ замѣна остатковъ власти феодаловъ владѣтельствомъ верховъ буржуазіи въ формѣ плутократически - конституціоннаго режима». Всесторонне одаренный и суетный скептикъ, владѣлецъ крупнейшаго въ мірѣ промышленнаго предпріятія, ходившій въ тюрьму бесѣдовать съ Радекомъ и по своему, не безъ салоннаго кокетства хоронившій капитализмъ. — Ратенау влилъ въ эту фразу горечь разочарованія и скорбную иронию. Дрекслеръ, а за нимъ миллионы національ - социалистовъ поняли его буквально. Въ теченіе десяти лѣтъ «еврейское опредѣленіе задачъ революціи» не сходило съ предвыборныхъ афишъ и прокламацій. «Хрупкій фарфоръ» затаенной грусти они превратили въ наконецный для боевой дубины, — жалуется одинъ изъ бю-

графовъ погибшаго министра. Плохіе дни наступаютъ для скептическихъ стилистовъ: ихъ начинаютъ понимать дословно.

Физическія немощи не позволили Дрекслеру пойти на войну. Баварскіе социаль - демократы прозвали его «инвалидомъ-сторожемъ» военнаго кладбища». Опредѣленіе не лишнее мѣткости. Значительно позднѣе пришлось убѣдиться, что и могильный прахъ можетъ быть претворенъ въ реальную силу. Въ Германіи оказалось слишкомъ много кладбищъ. Почти въ каждой рабочей семьѣ были павшіе. Сознаніе близкихъ не воспринимало самоотверженной гибели цѣлаго поколѣнія, какъ результатъ «жадности акулъ империализма» или какъ послѣдствіе дипломатическихъ ошибокъ изгнаннаго Вильгельма. Давно окончилась война, шли годы, а мертвые не уходили. Они оставались съ живыми и закляты ихъ можно было, оправдавъ ихъ смерть. Ихъ братья вернулись съ фронта есъ воронкой въ душѣ. «Въ этой воронкѣ, вспоминаетъ Ремаркъ, погнѣбло все, чѣмъ жили отцы и что дѣлало ихъ жизнь осмысленной и понятной». Погибли не только «сѣбности буржуазной культуры», но и примать классовой борьбы. Ибо то, что вскрыла война, было огромно и материалистическимъ пониманіемъ исторіи не разъяснялось. Сознаніе всечеловѣческой вины и апокалипсическое предчувствіе гибели міра четырнадцать лѣтъ тому назадъ пронизывали самый воздухъ Германіи. ИскуПЛеніе было корыстно локализовано. Для молодежи, не знавшей окопа, ощущеніе вины оказалось опозореннымъ, какъ и гуманная предпосылка, на которыхъ строилась

выгодная побѣдителямъ кара пролинившихся и ихъ потомковъ.

На мюнхенскомъ слесарѣ его будущіе политическіе руководители могли великолѣпно изучить ожогъ войны въ душѣ средняго рабочаго, какимъ по существу былъ Дрекслеръ. Соціалъ - демократы не приняли и не смогли преодолѣть темное и грузное наслѣдіе войны. Оно цѣликомъ досталось національ - социалистамъ. Употребление, которое сдѣлали изъ него пропагандисты партіи, смутило Дрекслера. Испугала его и связь руководителей движенія съ военными авантюристами и промышленниками. Онъ пытался бороться. Въ июль 1921 года его молодые друзья выпустили прокламацію, крайне враждебную по отношению къ Гитлеру. Но было ужъ поздно. На расколъ Дрекслеръ не рѣшился: молодежь жаждала крутыхъ переменъ любой цѣной и шла за тѣмъ, кто громче звалъ и усилилъ немедленное воздѣйствіе на опостылѣвшую жизнь. Это происходило въ эпоху, когда власть принадлежала партіи, выросшей на мечтѣ о коренномъ, послѣднемъ переворотѣ. Соціалъ - демократы правили, а жизнь словно завороченная оставалась неподвижной и въ своихъ тягостяхъ неизмѣнной: дуть леденящій вѣтеръ съ сѣверо-востока и парализовать всѣ движенія.

2. Синія тетрадки.

Въ истекшія десять лѣтъ средня и высшая школа въ Германіи приходились въ плѣну у политики. Политика пробивалась снизу: не только студенчество, но и учащееся среднихъ школъ были распи-

саны по партіямъ. Профессура и преподаватели безуспѣшно боролись съ этимъ явленіемъ. Министертво народнаго просвѣщенія, гдѣ было много социалъ - демократовъ, не поощряло дѣтской политики, но и не принимало крутыхъ мѣръ. Вышнее давленіе считалось принципиально недопустимымъ, тѣмъ болѣе, что энергичную работу среди учащихся вела союзъ социалистической молодежи «S. A. J.» — одно изъ важнѣйшихъ и старѣйшихъ учрежденій германской социалъ - демократической партіи. Его задача — заботиться о физическомъ и моральномъ развитіи молодежи, выявляя, конечно, «классовое самосознаніе». Справедливость требуетъ признать, что это была самая честная изъ партійныхъ организацій, работавшихъ среди дѣтей и юношества: тамъ не удавливали формой, эффектной маршировкой, соблазномъ авантюры и фиска; не пользовались ложью для натаскиванія на злобу и ненависть, не запугивали словомъ «предатель». Каждый «Zug» имѣлъ еженедѣльный «Heftabend» для политическихъ бесѣдъ. Разрѣшалось свободно высказываться. Синія тетрадки, куда юные участники заносили конспекты дискуссій, представляютъ высочай интересъ. Въ нихъ явно чувствуются зародыши нынѣшняго движенія въ Германіи. По этимъ записямъ можно также прослѣдить какой дорогой цѣной платила социалъ - демократическая партія за противодѣйствіе коммунистическому напору съ востока. Въ размышленіяхъ молодежи поражаетъ отсутствіе твердой вѣры въ «прогрессъ». Еще у старшихъ братьевъ была прочная и упрощенная увѣрен-

ность, что история человечества объективно разворачивается в сторону представления максимальной количества благ наибольшему числу людей. Послевоенные годы, повидимому, похоронили это вынесенное из обязательной школы представление. Подъ его обломками потускнѣли прежде вѣшущіе образы. Ссылки на биографіи Оуэна, Сент-Симона дѣлаются не безъ добродушной насмѣшливости. Въ идеализмъ проглядываетъ своеобразная корысть: общая польза должна быть и моею личной пользой, иначе нѣтъ смысла бороться. Люди, жертвующіе собой за строй, который имъ лично принесетъ лишенія, большинству совершенно непонятны. Сказались, вѣроятно, и мѣстные причины. Въ великой скудости войны на источникѣ, а за ней инфляціи дѣти росли въ атмосферѣ фетишизма вещей и матеріальныхъ цѣнностей. Съ возрастомъ перелѣтика конкретнаго перешла въ специфическій социальный утилитаризмъ. Самое стремленіе къ общему дѣлу и желаніе совместно съ другими овладѣть жизнью чрезвычайно велики, гораздо больше, чѣмъ у отцовъ въ дни молодости. Но въ той сторонѣ, куда еще съ надеждой смотрѣли отцы, зияла для дѣтей безысходность. Ихъ сознательная жизнь протекла въ завершенномъ демократическомъ строѣ. О борьбѣ за этотъ строй они только читали. Неустройства жизни ввали къ работѣ, но пути къ этой работѣ не были видны. Ихъ надо было пролагать самимъ. Нить преемственности гдѣ-то оборвалась. «Демократія, пишеть въ своемъ рефератѣ восемнадцатилѣтній мальчикъ, можетъ погибнуть, какъ

прусская армія — отъ безрезультатнаго перенапряженія». Въ этомъ настроеніи молодежи лучше всѣхъ разбирались коммунисты. Съ поразительной настойчивостью, используя все могущество дѣли и вульгаризаціи, они звали къ себѣ молодежь. Они сулили немедленную осуществимость универсальной идеи, выходъ изъ тупика, оправданный трудъ и матеріальное благоденствіе, стоящее у порога болѣе счастливой Россіи. Синія тетрадки свидѣтельствуютъ, что именно черезъ юношество шли яростныя и побѣдныя атаки коммунизма на социаль-демократическую партію. Руководитель преній обыкновенно не выходилъ изъ состоянія обороны. Линія защиты шла по реальнымъ результатамъ русскаго опыта. Германію отъ коммунизма спасало Раппало: ни одинъ изъ западныхъ народовъ не знаетъ такъ много о Россіи, какъ нѣмцы послѣ Раппало. Три крупныхъ института, снабженные первоклассными научными силами цѣлкомъ посвятили себя изученію страны совѣтовъ. Выходили серіи превосходныхъ монографій. Диссертациі на русскія темы затопили университеты. Наконецъ — и это сыграло исключительную роль — тысячи мастеровъ и рабочихъ устремились въ Россію. Преобладали коммунисты или имъ сочувствующіе. Возвращаясь по истеченіи контракта на родину, они за рѣдкимъ исключеніемъ сѣяли въ рабочей средѣ скептицизмъ къ коммунистическимъ достижениямъ и злобу къ кремлевскимъ сидѣльцамъ. Замѣчательно, что порвавъ съ коммунизмомъ, они не возвращались въ социаль-демократическую партію, а уходили къ націо-

наль - социалистамъ. Туда-же шла и часть молодежи, которая въ социаль-демократическихъ Zug'ахъ познала подлинное лицо Россіи. Въ предѣлахъ социаль - демократической партіи ужъ не было мѣста активности, развѣ только для обороны принциповъ, къ которымъ молодежь въ лучшемъ случаѣ относилась академически. Были и побочныя причины.

Социаль - демократы шепетильно не прибѣгали къ прямому или косвенному обману молодежи. Сейчасъ очень интересуются психологіей послѣвоенной нѣмецкой молодежи. Книга Günter Gründel'a «La mission de la jeune generation» выдержала даже во Франціи 8 изданій. Въ ней есть кое-какія вѣрные наблюденія и мѣткія характеристики, но всякому, кто долго жилъ въ Германіи, бросается въ глаза стилизація, недопустимая даже для апологін. Утвержденія, что нѣмецкой молодежи свойственна сейчасъ любовь и чуткость къ истинѣ, что она презираетъ подкрашенную правду и ненавидитъ дурманъ возвышенныхъ рѣчей — свидѣтельствуютъ или о слѣпотѣ авторовъ или о завѣдомой недобросовѣстности. Молодежь не можетъ обладать этими качествами уже въ силу того, что она слишкомъ страстно жаждетъ чуда, знаменія и указующаго перста.

Побѣду 14 сентября 1930 года, впервые давшую національ - социалистамъ право претендовать на власть, подарила партіи молодежи. Наклонивъ выборы въ шлѣбъ пропаганды былъ выдвинуть планъ воздѣйствія не на прежнихъ избирателей, а на тѣхъ, кто еще не подходилъ къ урнамъ. Среди молодежи наблюдалось

сильное отталкиваніе отъ старыхъ «программныхъ» партій. Мечтали о «народномъ движеніи», выходящемъ изъ партийныхъ береговъ и рушащемъ рамки партійной бухгалтеріи. Соответственно велась и пропаганда національ - социалистовъ. Расчетъ-былъ правиленъ. Число голосовавшихъ увеличилось на 4,6 милліоновъ. Въ рейхстагѣ оказалось на 87 депутатовъ больше. Всѣ они были національ - социалисты. Уходъ молодежи изъ рядовъ социаль - демократической и коммунистической партій принялъ съ тѣхъ поръ массовый характеръ.

Кто сейчасъ не осуждаетъ германскую социаль - демократическую партію? Самая сильная въ странѣ она сдалась безъ боя, пала безславно. Этотъ упрекъ плодъ оптической aberrации. Какъ носительницы революціоннаго пафоса и боевого дѣйствія партіи уже давно не было. За нее только голосовали. Укоръ въ бездѣятельности 20 іюля 1932 года, когда Папенъ подвергъ временному аресту Северинга, не справедливъ. Партія въ тотъ день могла начать кровопролитную гражданскую войну съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ. Но не подлежить ни малѣйшему сомнѣнію, что съ 1927 года всякій революціонный ударъ направо неминуемо привелъ бы къ власти коммунистовъ. Въ первый-же день уличныхъ боевъ инициатива перешла бы къ Москвѣ. Ударная энергія и жертвенность молодежи на лѣвомъ секторѣ были сосредоточены только у коммунистовъ. Социаль - демократы, подавившіе спартаковское движеніе, вооружившіе гамбургскихъ рабочихъ для разгрома коммунистическихъ баррикадъ, не

рѣшились и въ этотъ роковой для нихъ часъ отдать родину кремлевокимъ распорядителямъ. Судьба русскаго народа нѣхъ гипотичировала. Старая рабочая партія, подточенная войной, медленно и не эффективно изошла на лютюмъ нордь-остѣ. Быть можетъ, черезъ много лѣтъ эту гибель назовутъ героической.

3. Борьба съ разумомъ.

Послѣ стабилизацин нѣмецкой валюты промышленность лихорадочно ратионизировалась за счетъ экспортной прибыли инфляционныхъ лѣтъ и иностранныхъ займовъ. Спасение экономически ушербленной Германіи видѣли въ перенесеніи на родину почву американскаго чуда - конвеера. О конвеерѣ и рационализацин писались ученыя изслѣдованія, газетныя статьи и стихи. Кафедры научной организацин труда были основаны во всѣхъ высшихъ школахъ и съ энтузіазмомъ приняты студенчествомъ. Страна, ежегодно высылавшая за море нѣсколько десятковъ тысячъ человекъ, лишилась послѣ войны этой возможности. Перепроизводство квалифицированныхъ интеллигентскихъ силъ, въ особенности въ области техники съ каждымъ годомъ увеличивалось. Весной въ газетахъ печатались воззванія къ молодежи — не поступать въ высшія школы, а каждую осень академическая статистика отмѣчала катастрофическій ростъ числа молодыхъ людей, не знавшихъ, гдѣ имъ примѣнить полученные знанія. Надъ академической молодежью повисла угроза дисквалификаци и голода. Конвееръ могъ сдѣлать Германію снова непобѣдимой на международномъ рынкѣ

и вернуть промышленности прежнюю емкость.

Рационализированное предприятие, завод — единая машина — стоило огромныхъ средствъ. Соотношеніе между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ рѣзко измѣнилось. Новая промышленность можетъ снабжать человечество всѣмъ необходимымъ въ кратчайшій срокъ и по самымъ дешевымъ цѣнамъ — при условіи равномернаго и массоваго потребления. Гибкость и приспособляемость къ возможностямъ рынка фабрики 19-го столѣтія, съ ея многочисленными самостоятельными цехами, была навсегда утеряна. Здѣсь не мѣсто излагать острый и сложный конфликтъ между новымъ производствомъ и прежней системой распределенія. Разыгравшійся кризисъ углубилъ эти конфликтъ до катастрофы. Слишкомъ много надеждъ возлагали въ Германіи на техническую революцію, и реакція здѣсь была особенно болѣзненной. Она шла въ двухъ направленьяхъ: въ сторону идеализацин хозяйственныхъ формъ середины прошлаго вѣка и въ сторону сомнѣній въ благодатномъ значеніи человеческого разума.

Рационализациа — изумительное сочетаніе ума, таланта, предѣльной цѣлесообразности имѣла слѣдствіемъ тяжелую бессмыслицу: уничтоженіе товаровъ при наличіи нуждающихся въ нихъ; появленіе семимилліонной арміи нищихъ, вызванное избыткомъ создаваемыхъ благъ. Дѣти интеллигенци и разоренныхъ инфляціей людей средняго достатка были сбиты съ пути и не видѣли въ жизни своихъ мѣстъ — въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. Ихъ сомнѣнія и еретическія мысли на-

шли приютъ на страницахъ національ-соціалистическихъ листковъ. Впослѣдствіи изъ этой среды вышли партійные теоретики рекавиционныхъ экспериментовъ, проповѣдники новой націи, какъ экономическаго единства, искатели «арійской» религіи, сожигатели книгъ. Соціалъ - революціонная часть молодой партійной интеллигенціи группировалась вокруг Кернера и Ю. Штрайхера — сумбурныхъ проповѣдниковъ національ - коммунистическаго переворота и антисемитскаго интернаціонала. Ищущіе съ реальною откровеніемъ вошли въ такъ назыв. «кружокъ братьевъ Штрассеръ». Тамъ пытались создать стройную систему, дать Германіи новую «національ-соціалистическую» философію и экономическую науку. Осенью 1929 года талантливый физикъ Эрвинъ Шредингеръ опубликовалъ работу, въ которой усумнился въ приматъ закона причинности для нѣкоторыхъ физическхъ явленій. «Палъ законъ причинности, ликовала Штрассеръ въ своей «Berliner Arbeiterzeitung», возвращаются на тронъ владыки жизни — вѣра въ судьбу и въ суверенное, независимое дѣйствіе. Рухнулъ міръ рациональнаго не только въ физикѣ, но и въ жизненныхъ процессахъ. Гдѣ жалкій и безсильный разумъ видятъ хаосъ и безвыходность, тамъ говорятъ подознательное чутье и замѣчаютъ беззодную логику. Националь-соціализмъ - могучій таранъ бьющій по законамъ причинности» и т. д.

Въ толкованіи идей Штредингера Штрассеръ проявлялъ невѣжество, недопустимое даже для аптекаря, но въ студенчествѣ его «борьба съ разумомъ» встрѣтила

восторженный откликъ. Любопытно, что въ мюнхенскихъ университетскихъ кружкахъ пытались оперетаться и на русскаго философа Льва Шестова, который «съ арійской смѣлостью развѣнчиваетъ еврейское дѣтище».

Мѣсто разума занялъ мифъ. Въ моментъ возникновенія національ-соціалистическаго движенія мненческіе образы нужны были для успѣха пропаганды. Вожди партіи откровенно подчеркиваютъ, что созданный ими призракъ еврейдемона имѣеть весьма мало общаго съ реально существующимъ нѣмецкимъ евреемъ. Онъ необходимъ какъ условное вмѣсталище всего зла веймарской системы, ибо массу убѣждаютъ не разумные доводы, а яркіе образы.

Академическая молодежь весьма сочувственно относится къ новому объединенію Германіи. Задача гораздо сложнѣе, чѣмъ кажется со стороны и ея вышнее насильственное разрѣшеніе не даетъ гарантій прочнаго сліянія. Адекватность понятій Парижъ и французскій народъ или Лондонъ и англичане теряется въ сопоставленіи Берлинъ и германцы. Тисячелѣтняя самостоятельная жизнь отдѣльных странъ и племенъ, своеобразіе культуръ, разнообразіе вліяній, развитія религій — создали между нѣмецкими землями не только юридическія, но и внутреннія границы. Нѣтъ единого культурно - психологическаго типа, нѣтъ одинаковаго жизненнаго стиля. Между тѣмъ грядущее величіе нѣмецкаго народа рисуется молодой интеллигенціи только на путяхъ созданія Пангерманіи. На помощь призваны мифы. Мифъ объ избранной расѣ, мифъ о врагахъ на всѣхъ границахъ, мечтающихъ

объ истребленіи германскаго народа. Агрессивность академической молодежи диктуется не столько идеями экспансіи, сколько недоверіемъ къ силамъ національнаго сдѣланія внутри страны. Слова оживаетъ традиціонное представленіе: нѣмецкій народъ силачивается передъ лицомъ врага и его единство выковывается войной.

Здѣсь скрыты взрывчатая противорѣчія новой Германіи. Массы воспринимаютъ мнѣ какъ ре-

альность. Онѣ остались вѣрно-подданными разума. Отъ новаго строя они ждутъ не національнаго, а социальнаго переустройства. Эти противорѣчія скрыты пока въ кипящемъ тѣлѣ, куда брошены классы, сословія и обломки прежнихъ партій. Ихъ заглушаетъ трескъ ракетъ на непрерывныхъ празднествахъ. Процессъ застыванія вызоветъ опаснѣйшія напряженія, которыя станутъ видны въ ближайшіе же годы.

А. Савельевъ.

Парадоксы французскаго социализма

На мрачной политической картѣ современной континентальной Европы Франція нынѣ является единственной большой и вліятельной страной, гдѣ политической демократіи пока не угрожаютъ никакія серьезные опасности. Французская демократія нынѣ является единственнымъ опорнымъ пунктомъ континентальной демократіи вообще, и если политическая демократія рухнетъ и во Франціи, то — это нужно сказать прямо и откровенно — и фактически и идеологически пѣсенка демократіи будетъ на долгій историческій періодъ спѣта. Тогда надо будетъ захлопнуть книгу демократическихъ судебъ и сдать ее въ архивъ на предметъ исторической любознательности будущихъ дальнихъ поколѣній, которымъ въ своемъ прѣвосходствѣ пріятно будетъ узнать, какими глупцами были ихъ прадѣды.

Изъ сказаннаго ясно, какая испанская историческая отвѣтственность интернаціональнаго мас-

штаба дожится на плечи тѣхъ политическихъ партій, на какихъ французская демократія держится. Это отвѣтственность не только передъ своимъ народомъ, но и передъ всѣмъ міромъ, не только передъ будущими судьбами міровой демократіи, но и передъ великимъ ея прошлымъ. Можетъ быть никогда еще исторія не учиняла такого ревниво строгаго и дьявольски труднаго экзамена, какой она нынѣ учиняетъ двумъ партіямъ французской демократіи — радикальной и социалистической, отъ позиціи и поведения которыхъ сейчасъ, безъ всякаго преувеличенія, зависятъ судьбы всего міра. Выдержать ли онѣ этотъ экзаменъ? Достаточно ли онѣ подготовлены къ нему?

Судьбы этихъ двухъ партій значительно болѣе связаны между собою, чѣмъ онѣ сами объ этомъ думаютъ, и во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ онѣ сами въ этомъ сознаются. Тѣмъ не менѣе я здѣсь остановлюсь только на